

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

И. В. Кондаков

**ПОСЛЕ ПУШКИНА
СУДЬБЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
КРИТИКИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Санкт-Петербург
2025

УДК 811.161.1

ББК 83 (2Рос)

К64

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного
фонда № 24-18-00636, <https://rscf.ru/project/24-18-00636/>;*

Русская христианская гуманитарная академия

им. Ф. М. Достоевского

Рецензенты:

д. ф. н., проф. Богданова О. В. (СПбГУ);

д. ф. н., проф. Сухих И. Н. (СПбГУ)

Кондаков И. В.

После Пушкина. Судьбы русской литературной критики в XIX — начале XX века : монография. — СПб. : РХГА, 2025. — 568 с.

ISBN 978-5-907987-98-2

Монография посвящена становлению и истории русского литературоцентризма, главную роль в усилении которого автор отдает творчеству и личности Пушкина. Вокруг осмысления фигуры Пушкина сформировалась русская литературно-критическая традиция XIX и XX вв. В книге прослеживаются противоречивые смысловые потоки, исходящие от Пушкина и его творений. Метаморфозы пушкинского литературного наследия и культурно-исторической памяти о нем отразились в истории русской литературной критики XIX — XX вв., в окружении все новых событий и артефактов, наполнявших критику и менявших ее профиль.

Издание предназначено для студентов-гуманитариев и всех интересующихся вопросами русской культуры, русской литературы и русской литературной критики.

УДК 811.161.1

ББК 83 (2Рос)

© Кондаков И. В., 2025

ISBN 978-5-907987-98-2

© АНО ВО «РХГА», 2025

Светлой памяти
Бориса Федоровича Егорова,
выдающегося российского ученого —
филолога, историка, культуролога,
замечательного исследователя
русской литературной критики —
с благодарностью и душевной теплотой
посвящаю.
— Автор

Оглавление

Критика «Вместо» и «После» (Введение в проблему)	7
Глава 1. Пушкин: «в споре со своею лирой»	17
Подражания древним	25
«Однозвучный жизни шум»	48
«Всемирная отзывчивость»	72
«Противоречий очень много...»	96
Глава 2. После Пушкина:	
Разрушение пушкинской гармонии	117
«Другой» Пушкина	138
В «противоборстве» с Пушкиным	167
Эстетический переворот	191
Глава 3. «Нет, ты не Пушкин!»:	
Поэтический негатив «Пушкина»	217
«Повыше Пушкина поэт?»	221
«Русский Бодлер». У истоков русского декаданса	229
Вместо «Медного Всадника»	237
Глава 4. «Русские Дон-Кихоты»	
в зеркале взаимной полемики	249
«Кто кого?» – в истории русской культуры	254
У истоков «непримиримой вражды»	271

Борьба «по поводу Пушкина»	288
«Прививка политического радикализма»	301
Глава 5. «Потерянный Рай» русской культуры	311
«Лозунг, дверь и путь...»	317
Пушкин по дороге в критический «Ад»	329
Возвращение «Рая»?	345
Глава 6. Покушение на литературу:	
Борьба литературной критики	
с изящной словесностью	363
«Выше увлечения самыми милыми именами...»	381
«Реальная критика» на страже	
«фактической правды»	401
«Нагибая» действительность... ..	419
Глава 7. «Нещадная последовательность	
русского ума»	423
«Жизнь полюбить больше, чем смысл ее»	427
«Справедливые критики редки на Руси...»	432
«Теперь все подлежит критике...»	437
Глава 8. «Примирения нет!»	
Ультиматум критического радикализма	443
Доктрина «последнего толчка»	448
«Эстетический нигилизм»,	
или «эстетика нигилизма»	457
Культ «естественности»	
и разоблачение «искусственности»	466
Глава 9. «Дикий хор, нестройный вопль...»:	
Крушение русской эстетической утопии	475
«Наше всё»: эстетическое всеединство культуры	479
Религиозно-эстетическая природа	
культурного синтеза	482

«Созвучие» – «общий смысл искусства»	485
«Живописность», «поэтичность»	
и «музыкальность»	489
За пределами «Истины», «Добра» и «Красоты»	493
Глава 10. Встреча с «Грядущим Хамом»	501
Репетиция Апокалипсиса. Бесы революции в пути ...	504
«Гвоздь, выкованный рукою человека...»	515
«Проба конца». «Грядущий Хам» – на пороге	522
«Локомотив истории», вперед лети!	526
Глава 11. С Пушкиным и без... Метаморфозы	
русской литературной классики	
в диалоге с критикой	531
В «большом времени» и в «малом»	539
«Нужное» и «своевременное»	543
Пушкин как «всечеловек» культуры	549
Вокруг и возле Пушкина	557
«Светская святость»	562

Литературная критика «Вместо» и «После» (Введение в проблему)

...И каково вам после его?

А. С. Пушкин

Книга, которую читатель держит в руках, – «После Пушкина» – является своеобразным продолжением другой моей книги – «Вместо Пушкина»¹. Строго говоря, обе книги – не о Пушкине и не о его творчестве. Они – о культуре и ее истории, о том месте, которое занимал и занимает в ней Пушкин, об отношении русской культуры, в ходе ее исторического развития, к Пушкину – как одному из важнейших (и загадочных) феноменов культурного наследия России. Отношении изменчивом, противоречивом, многомерном. Да и сам Пушкин – как факт российского культурного наследия – феномен столь же изменчивый, противоречивый и многомерный, постоянно ускользающий от понимания. В том числе понимания профессионального, каковым является литературная критика.

Однако «Вместо» и «После» – это два принципиально разных взгляда на интересующий нас феномен. Неслучайно

¹ Кондаков И.В. Вместо Пушкина. Незавершенный проект: Этюды о русском постмодернизме. – М.: МБА, 2011.

книга «Вместо Пушкина» имела подзаголовок: «*Незавершенный проект*», а книга «После Пушкина» – могла бы иметь другой: «*Завершенный проект*». В том и другом случае говорится не о самом Пушкине, а о его интерпретациях в то или иное время, об изменении контекста культуры, в котором пребывает и воспринимается Пушкин. Разница между этими двумя дискурсами примерно такая же, как в интерпретации В. Кандинским двух ахроматических цветов – белого и черного. «Белый» – это «беззвучие», молчание временное («пауза»), – вскорости этот цвет «заговорит»; «черный» – это молчание окончательное, вечное, за которым невозможно никакое продолжение («вполне законченная пауза, за которой продолжение следует, как начало нового мира»)².

«Вместо» – это подмена, фальсификация, фейк. «Вместо Пушкина» означает, что в принципе любого автора можно провозгласить «Пушкиным», «продолжением Пушкина», «развитием Пушкина»... При этом Пушкин оказывается фальсифицирован – под знаком его «бессмертия», «вечности». Это манипуляция именем Пушкина ради того, чтобы оправдать измену ему, отступление от его принципов и заветов, от его эстетических и нравственных идеалов, от его политических и философских воззрений. Это *формальное сохранение* Пушкина в культурной памяти потомков – без каких-либо обязательств перед его памятью и без реального его присутствия в культурной памяти потомков. Это механизм *развития* пушкинского наследия ценой его *преодоления*. Это тоже одна из популярных функций литературной критики.

² Кандинский В.В. О духовном в искусстве (живопись). – Л.: Фонд Ленинградская галерея, 1989. С. 44.

В книге «Вместо Пушкина» осмыслялась постмодернистская «подмена» Пушкина различными его идейными «заместителями» – в контексте советской культуры. Развертывается фантазмагорическая картина, в которой на роль нового «Пушкина» в XX веке поочередно претендуют Демьян Бедный и Владимир Маяковский, Николай Островский и Алексей Толстой, Петр Павленко и Абрам Терц, Иван Бунин и Георгий Иванов, Даниил Хармс и Даниил Андреев, Осип Мандельштам и Юрий Миролюбов (автор «Велесовой книги»), Андрей Платонов и Михаил Шолохов, акад. Анатолий Фоменко (создатель «Новой хронологии») и современный прозаик Анатолий Королев...

Эта фантазмагория (она же – постмодернистский «маскарад») была порождена самим революционным и постреволюционным временем. Общественная потребность в неполитическом кумире колебалась между двумя лозунгами: «Бросить Пушкина с парохода современности!» и «Пушкин – наш товарищ». Первый лозунг восходил к легендарному манифесту футуристов «Пощечина общественному вкусу», где торжественное низвержение Пушкина вместе с другими классиками русской литературы было ритуальным жестом отказа от старой культуры ради утверждения новой. Второй – был сочинен опальным писателем Андреем Платоновым, который в специальной статье в журнале «Литературный критик», опубликованной под псевдонимом «Человеков», сравнивал Н. Островского с Пушкиным, а роман «Как закалялась сталь» – с пушкинским творчеством³. В раскачивании этого маятника сквозит

³ См. подробнее: *Кондаков И.В.* Вместо Пушкина: незавершенный проект. Этюды о русском постмодернизме. – М.: МБА, 2011. – С. 116 – 119.

заветная цель — охватить и воплотить *наше советское «всё»*, сопоставимое с известной формулой Ап. Григорьева: «Пушкин — наше всё», а значит, открыть советскому столетью — *нового Пушкина*, который возместит отсутствие «старого Пушкина», дореволюционного.

Конечно первопричиной этого всеобщего стремления обрести «нового Пушкина» на месте «старого» была общая аура коллективистского общества, социалистически устремленного, для которого была важна идея, что на место одного национального гения из далекого прошлого, охватившего собой всё, в новом мире придут во множестве новые гении из народа, — сотни и тысячи новых пушкиных или даже некий коллективный Пушкин, преобразующий бывшие пушкинские мечты в реальность. В этом смысле ожидание нового Пушкина вместо усопшего казалось чаянием Воскресения Пушкина как средоточия достижений русской культуры дореволюционного времени.

Начавшееся «примеривание» себя к пустующему культовому месту, стало заметным с многозначительной реплики В. Маяковского (в «Юбилейном»): «После смерти нам стоять почти что рядом: вы на Пе, а я на ЭМ». Маяковский в этом своем стихотворении иронизирует над собой, да и над Пушкиным; он примеряет, кого бы еще можно поставить в один ряд с Пушкиным и собой. Единственный претендент выдерживает насмешливый «конкурс» поэтов — Некрасов. Но для сравнения Маяковский выстраивает целую очередь конкурсантов, начиная с Надсона и кончая Есениным... А в промежутке — безликая вереница ничего почти нам не говорящих имен: Дорогойченко, Герасимов, Кириллов, Родов, Безыменский и даже друг и соратник по ЛЕФу «Асеев Колька»... Эта вереница стихотворцев, составляющая «одноробразный пейзаж» молодой советской поэзии,

достигает, по словам Маяковского, «полсотни», которая в совокупности не стоит одного Пушкина («Не просчитались бы, за вас полсотни отдав»).

В этом же стихотворении Маяковский и Пушкина пытается примерить к современности – как равного по таланту и слогу, но это перемещение Пушкина в XX век у него плохо получается.. Оказывается, что рекламировать «жиркость и сукна», «гумских дам» у Пушкина еще может получиться, а вот вооружить его «штыком и зубьями вил» – уже не выйдет, а направить пушкинский талант на «битвы революций» и любовь ... к Стране Советов – и вовсе! Таким образом, Маяковский уже в 1924 г. понял и наглядно показал, что невозможно стать поэтом и мыслителем «вместо Пушкина», как и самого Пушкина вырвать из его эпохи и перенести в XX век и в советскую культуру – без существенной переделки. Как нельзя снять на время памятник Пушкину с пьедестала, а затем, поговорив с ним, как ни в чем не бывало, водрузить на прежнее место. Разве что в поэтическом воображении...

Другое дело – *«после Пушкина»*.

«После Пушкина» – это констатация того, что Пушкина нет и больше никогда не будет, что всё, что происходит в литературе, искусстве и культуре вслед за гибелью Пушкина, уже не имеет к нему никакого отношения. Это – другое. Это – *поворот развития* культуры в иную сторону, – безоглядно, без сожалений, без воспоминаний. При такой постановке проблемы Пушкин и его творчество интересуют нас как культурно-исторический феномен. Это значит, что в поле зрения исследователя находится исторически меняющиеся представления о Пушкине и его произведениях, трансформирующиеся под влиянием социально-исторических событий и эволюционирующим контекстом культуры. По

мере удаления точки зрения от пушкинской эпохи фигура Пушкина и его произведения постепенно оттесняются новыми социокультурными явлениями на второй и более отдаленные планы и частично заслоняются событиями и артефактами текущей современности. Нарастающие изменения социально- и культурно-исторического контекста, конечно, не только отодвигают Пушкина в недавнее и все более отдаленное прошлое, но и своеобразно «высвечивают» в его творчестве и биографии новые черты пушкинской проблематики и поэтики – в свете обновленного ценностно-смыслового контекста последующих эпох. Поэтому Пушкин «после Пушкина» становится непрерывно изменяющимся предметом осмысления и оценки для литературной критики, являющейся концентрированным выражением читательского сознания аудитории, также исторически меняющегося.

При этом нас интересует не столько то, каким был Пушкин в его время и как воспринимались его произведения его современниками, сколько как и в какую сторону изменялось восприятие Пушкина и его творчества последующими поколениями читателей (а затем – и зрителей, и слушателей). Сам Пушкин в контексте его эпохи – это лишь отправная точка в потоке впечатлений и представлений о Пушкине и его творчестве, сменяющих друг друга на протяжении почти двух веков. Задача критики в каждый момент этого бесконечной процесса – включить Пушкина (или любой другой предмет переживания и осмысления из области литературы или искусства) в контекст современности (как ее понимает и трактует тот или иной критик). Разумеется, в поле зрения критики никогда не находится только один какой-нибудь художник (поэт, прозаик, драматург и т.д.), но и его современники и предшественники, и последователи...

Но, когда мы говорим, что нас интересует всё, что происходило в художественной культуре «после Пушкина», – сам Пушкин и его творчество нас занимают лишь как освоенный и преодоленный *рубеж* культурно-исторического процесса. Каждая последующая эпоха после Пушкина что-то сохраняет и развивает из пушкинского наследия, а что-то забывает или отбрасывает из него.

Это – или избегание преемственности в отношении Пушкина или открытый отказ от пушкинского наследия; признание его – в той или иной степени – неполноты, истерпанности, неактуальности, невостребованности современностью. Это – перемещение творчества Пушкина, его творческой личности и самого имени «Пушкин» – в «*архив*» культуры, в область невозвратимого прошлого, исторически «*снятого*» наследия. Это механизм последовательного и неуклонного *забвения* пушкинского наследия и самого Пушкина, его *вытеснения* из текущей современности – год от года, десятилетие за десятилетием. Эти неторопливые и незаметные для современников шаги «от Пушкина» практически невозможно отследить, если бы не критика. Именно текущая критика – в совокупности всех своих реакций и проявлений – имеет возможность показать на примере своих текстов и идейных тенденций, – как происходит *преодоление* пушкинских идей и концепций, пушкинской поэтики и риторики, пушкинских критериев художественности и культурфилософских установок, столь важных для его времени. В этом перманентном *преодолении прошлого культуры* заключается залог ее развития и подготовки ее будущего.

Не нужно думать, что «Вместо» и «После» – это какие-то сознательные акции политиков или деятелей культуры, направленные против лично Пушкина и его наследия,

против русской классики или культурного наследия в целом. Это *механизмы культуры*, в которых отдельные деятели культуры действуют во многом бессознательно, воплощая в своем поведении некие общие тенденции культурного развития той или иной исторической эпохи. Причем тот и другой механизмы культуры не исключают друг друга, но нередко действуют совместно, дополняя и корректируя друг друга, выстраивая доминирующие стратегии, определяя баланс интерпретаций и оценок. Но, несомненно, ведущим механизмом развития является дискурс «*после*», а дискурс «*вместо*» является второстепенным, адаптивным.

Оба механизма могут быть применены к любому явлению культуры, к любому имени и любому тексту. Но некоторые имена и произведения особенно чувствительны к черте, к культурной границе, отделяющей их настоящее от будущего. Особенно важны дискурсы «Вместо» и «После» в приложении к Пушкину. Его исключительное *культурное одиночество*, фактическое *отсутствие* у него *единомышленников, последователей и продолжателей*, постоянное *выпадение* Пушкина и его творчества из исторического *контекста культуры* делает его положение в истории русской литературы и культуры не только исключительным, неповторимым, но и трагичным.

А. Ахматова размышляла о Пушкине в беседе с критиком Дм. Хренковым: «Пушкин нашел для “Евгения Онегина” особую 14-строчную строфу, особую интонацию. Счастливо найденная форма несомненно способствовала успеху “Онегина”. – Казалось бы, она должна была укорениться в русской поэзии, – замечает Ахматова. – А вышел “Онегин” и словно бы опустил за собой шлагбаум. Кто ни пытался воспользоваться пушкинской “разработкой”, все

терпели неудачи»⁴. Впрочем, дело, конечно, не в «Онегине» как таковом. Так было со всем творчеством Пушкина. Уходя из жизни, из литературы, из русской культуры, Пушкин, говоря словами Ахматовой, «опустил за собой шлакбаум». И все развитие русской культуры после Пушкина (благодаря самому же Пушкину и его творчеству) пошло иным путем. Возвращение Пушкина или возвращение к Пушкину в русской культуре (и литературе) – в полной мере невозможно. Потому «После Пушкина» – это *завершенный проект*. Но не завершенный процесс.

Пушкин в русской культуре озаменовал переломный пункт ее развития. В своем творчестве он аккумулировал и завершил начатое его предшественниками – очень разными и почти несовместимыми. Среди них – И. Барков и Г. Державин, Н. Карамзин и А. Радищев, В. Жуковский и К. Батюшков... Пушкин и сам понимал, что он – *завершитель* большого этапа послепетровской культуры и еще бóльшего периода европейской культуры. Всё то новое, что Пушкин искал и находил, ему не удалось довести до конца. Всё то новое, что подхватили в своем творчестве пришедшие в русскую культуру вслед за ним поэты (например, Тютчев, Лермонтов, Некрасов, да хотя бы и прозаики – Толстой, Достоевский, Чехов!) только казалось им «продолжением и развитием» созданного Пушкиным. На самом деле *после Пушкина* Пушкина уже не было.

Было либо «Вместо Пушкина», либо «После Пушкина», но не Пушкин. Ни Гоголь, ни Лермонтов, ни Тютчев, ни Некрасов, ни – тем более – «главные классики» русской

⁴ Хренков Д.Т. Дорогие спутники мои. – М.: Современник, 1975.

литературы XIX в. – Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов – не были последователями и продолжателями Пушкина. Скорее они были его оппонентами, критиками, даже ниспровергателями... Символисты Серебряного века (например, Дмитрий Мережковский, а за ним и другие) считали Пушкина – в ряду других мировых имен – своим «вечным спутником»⁵, но не более того. В советское время поэты и прозаики тоже считали Пушкина своим спутником (конечно, не «вечным!»), но, скорее, пожалуй, своим «*попутчиком*» (по ходкому выражению Льва Троцкого; впрочем, его авторство было быстро забыто).

Таким образом переосмыслением творческой личности Пушкина и его произведений занимались не только профессиональные критики – публицисты и журналисты, но и сами художники. В своем художественном творчестве они – вольно или невольно – выступали как *критики* Пушкина и его произведений, а в конечном счете – как представители русской литературной критики, – наряду с Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым, Ап. Григорьевым и др. Критикуя Пушкина и его творчество, все они стремились после Пушкина изменить «лицо» критики, по сравнению с критикой, прижизненной Пушкину⁶. Это значит: стремились обновить тематику и проблематику критических

⁵ Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007 (Серия «Литературные Памятники»).

⁶ См. подробнее: Пушкин в прижизненной критике: В 4-х т. — СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001; 2001; 2003; 2008. В этом академическом издании, подготовленном ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, представлены все тексты критики при жизни Пушкина в сопровождении научных комментариев и обзорных статей.

выступлений и разборов, сменить состав обсуждаемых литературных имен и произведений литературы, предложить новые методы и средства критического рассмотрения литературы и искусства, установить новые критерии интерпретации и оценки литературного творчества и его результатов в свете меняющейся общественно-исторической ситуации, контекста культуры и мнений читающей публики, ее злободневных интересов и эстетических потребностей.

По словам Д. Мережковского, «...голос поэта умолкает навеки, и в сущности вся последующая история русской литературы есть история довольно робкой и малодушной борьбы за пушкинскую культуру с нахлынувшей волною демократического варварства, история могущественного, но одностороннего воплощения его идеалов, медленного угасания, падения, смерти Пушкина в русской литературе»⁷.

Пушкинская *идейно-художественная парадигма*, долгое время считавшаяся в просвещенном обществе России XIX века идеально-нормативной для литературно-критических и художественно-эстетических оценок, постепенно заслонялась новыми социокультурными задачами и отходила в глазах художников, критиков и читательской аудитории на второй, а затем и еще более отдаленный план.

Вытеснение Пушкина из российской культуры шло параллельно – несколькими смысловыми потоками (векторами развития), объединенными общим дискурсом «После Пушкина».

Первый – «**Пушкин после себя**». Здесь речь идет о том новом в творчестве Пушкина, что ни он сам, ни его современники не могли определить и осознать. Только отдаленные литературные потомки поэта, и то не сразу, поняли, что нового

⁷ Мережковский Д.С. Пушкин // Вечные спутники. С. 232.-

проявилось в Пушкине после его гибели в «большом времени» и что в конечном счете повлияло на дальнейшее развитие русской – прежде всего художественной – культуры, включая литературу и литературную критику.

Второй – **«Другие после Пушкина»**. Этот вектор осмысления места Пушкина в истории отечественной культуры свидетельствует о том, как другие поэты и критики, пришедшие в русскую литературу после Пушкина, как им поначалу казалось, развивали пушкинские традиции и пушкинские образы, а на самом деле последовательно и определенно отходили от него и продолжали идти в искусстве и его прочтении своим, самобытным путем, скорее отталкиваясь от Пушкина, нежели приближаясь к нему.

Третий – **«Пушкин после других»**. Этот аспект книги посвящен тому, что произошло с творчеством Пушкина в свете альтернативных его интерпретаций – прежде всего глазами радикально и нигилистически настроенной критики. Здесь Пушкин предстает совсем не похожим на себя, – скорее таким, как его понимают его оппоненты из демократического и консервативного лагеря. Именно такого Пушкина хотели «бросить с Парохода современности» русские футуристы накануне начала Первой мировой войны и Русской революции 1917 года. Именно перед таким Пушкиным, незаслуженно «униженным и оскорбленным», хотелось извиниться десять лет спустя Вл. Маяковскому в «Юбилейном», написанном к 125-летию поэта.

Четвертый вектор – **«“Пушкин” после Пушкина»**. Позднейшие версии дискурса «После Пушкина» возвращают читателя к полемике вокруг различных образов и идей Пушкина, различных интерпретаций его творчества, возникших спустя столетие, полтора и два века после него. Фактически перед нами предстает в этих спорах уже не сам Пушкин и

даже не вереница его образов, а, скорее, субъективная *деконструкция* пушкинского творчества, несущая сильный отпечаток того контекста культуры, в котором эта деконструкция создавалась. Поэтому в этой части его переосмысления самому Пушкину противопоставляется «Пушкин» – своего рода *симулякр* великого русского поэта, плод его *мифологизации* и *мистификации* в обыденном, научном, философском и политическом сознании XX - XXI вв.

Собственно, эти противоречивые смысловые потоки, исходящие от Пушкина и его творений, и есть важнейшие итоги трансформации Пушкина за минувшие два века истории русской культуры *после* него. Так или иначе, все метаморфозы пушкинского литературного наследия и культурно-исторической памяти о нем *в большом времени* отразились в истории русской литературной критики XIX – XX вв., в окружении все новых событий и артефактов, наполнявших критику и менявших ее профиль, в напряжении все новых социокультурных проблем, которых не знали ни Пушкин, ни пушкинская эпоха, ни последующие десятилетия российской культурной истории. Это были трансформации культуры, наполненные иными смыслами и ценностями, уже не имевшими никакого отношения к Пушкину и памяти о нем, – трансформации, постепенно перешедшие в *забвение* Пушкина. Забвение, заменившее собой прощание.

Сам драматизм культурно-исторического процесса, начавшегося после Пушкина, впрочем, не несет в себе пессимизма. Напротив, ощущение того, что русская культура, несмотря на все кризисы и разочарования, преследующие ее, продолжает развиваться – не только *после* Пушкина, но и *без* Пушкина, *без* оглядки на него, *без* культа Пушкина – в разных непредсказуемых направлениях, внушает оптимизм.

Научное издание

Кондаков Игорь Вадимович

**После Пушкина.
Судьбы русской литературной критики
в XIX — начале XX века**

Монография

Подписано в печать 28.11.2025

Формат 60×90^{1/16}

Усл. печ. л. 35,5

Заказ № 1241

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского
Тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-6595
E-mail: irhga@mail.ru. URL: <https://irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134